

«ПОСЛЕДНИЙ» ИЗ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАНТА В СВЕТЕ РЕСПУБЛИКАНИЗМА

М. А. Степанов¹

Сегодня в связи с ростом популярности республиканизма в литературе все чаще встречаются работы, авторы которых предпринимают попытки перепрочитать классических политических мыслителей в терминах республиканской теории, вписав их в республиканский канон. Порой подобные усилия совершаются и в отношении Канта. Исторически сложилось, что его политическую философию чаще всего рассматривают как либеральную. Республиканские авторы разрушают данный консенсус, представляя Канта симпатизирующим республиканизму. Для части из них он является особой фигурой в истории республиканской мысли. Связано это с тем, что период его творчества приходился на время, когда республиканизм постепенно сходил с авансцены истории политической мысли, уступая место либерализму, до тех пор пока полностью не оказался вытеснен им и практически забыт вплоть до XX в. Кант в этом свете предстает как один из последних республиканцев того времени. Испытывая на себе влияние конкурирующих друг с другом политико-философских систем, он, как считается, отошел от некоторых значимых для республиканизма идей, в связи с чем его признают республиканцем лишь отчасти. В настоящей статье автор оспаривает данную точку зрения, демонстрируя, что у Канта имеется больше общего с республиканизмом, чем полагают некоторые исследователи. Для этого его политическая философия помещается в контекст так называемого римского республиканизма — одного из наиболее разработанных и известных на сегодняшний день направлений республиканской мысли, основу которого составляют такие элементы, как (1) свобода как не-доминирование, (2) верховенство права, (3) гражданское самоуправление. Проведя анализ системы социально-политических взглядов Канта в ракурсе данных элементов, автор приходит к выводу, что она в целом согласу-

¹Институт философии Российской академии наук, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Поступила в редакцию: 02.04.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-2-4

THE “LAST” REPUBLICAN: KANT’S POLITICAL PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF REPUBLICANISM

M. A. Stepanov¹

Today, with the growing popularity of republicanism, literature on the topic includes more and more works whose authors attempt to re-read classical political thinkers in terms of republican theory, so as to situate them within the republican canon. Some such efforts have been made with respect to Kant. Traditionally, his political philosophy is thought, more often than not, to be liberal. Republican authors break this consensus, representing him as a republican sympathiser. Some even regard him as a special figure in the history of republican thought. The reason for this is that in Kant’s time, republicanism was gradually leaving the historical stage, giving way to liberalism, to eventually be ousted and practically forgotten until the twentieth century. From this perspective, Kant comes across as one of the last republicans of his time. He is believed to have abandoned some significant republican ideas under the influence of competing politico-philosophical systems, such that he is thought to be a republican only up to a certain point. In this article, I challenge this view, demonstrating that Kant has more in common with republicanism than some researchers believe. To this end, I put his political philosophy in the context of what is known as Roman republicanism, one of the best-studied and currently most popular strands of republican thought. Its main elements are 1) freedom as non-domination, 2) supremacy of law, and 3) self-government. My analysis of Kant’s socio-political views from the perspective of these elements shows that, on the whole, they agree. I conclude that Kant

¹RAS Institute of Philosophy.
12/1 Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia.
Received: 02.04.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-2-4

ется с ними. На этом основании делается заключение о том, что Канта следует рассматривать как представителя римской ветви республиканизма.

Ключевые слова: политическая философия Канта, республиканизм, республиканская теория, политическая свобода, не-доминирование, верховенство права, гражданское самоуправление, политическое участие

Введение

В истории политической философии фигура Иммануила Канта представляется неоднозначной. С одной стороны, у него имеется множество трудов, которые можно было бы с той или иной долей условности назвать политическими, с другой — широко известны слова Х. Арендт о том, что «Кант никогда не создавал сочинений по политической философии» (Арендт, 2011, с. 17), а те работы, которые мы привыкли считать таковыми, он называл «всего лишь “игрой с идеями” или “всего лишь увеселительной прогулкой”» (Там же, с. 18), то есть не воспринимал политические вопросы всерьез. По этой причине очень часто, когда речь заходит о политико-философских аспектах творчества Канта, разговор на эту тему предваряет более общий вопрос: была ли у Канта политическая философия? Ответы на него даются порой самые разнообразные: таковую обнаруживают во многих работах Канта, включая те, которые на первый взгляд не кажутся сколь-либо связанными с политической проблематикой. Мы в данном вопросе солидарны с П. Савиданом, полагающим, что Арендт не удалось убедительно доказать несерьезное отношение Канта к своим политическим работам (Savidan, 2007, p. 49), и уверены, что политическая философия у Канта все же есть, несмотря на то что она не была сконцентрирована в некой «Четвертой критике». Тот факт, что одним из ключевых элементов философской системы Канта является человеческая свобода, считающаяся также фундаментальным вопросом по-

should be viewed as a representative of the Roman branch of republicanism.

Keywords: Kant's political philosophy, republicanism, republican theory, political freedom, non-domination, rule of law, self-government, political participation

Introduction

In the history of political philosophy, Immanuel Kant is a controversial figure. On the one hand, he has multiple works which, with some allowances, can be called 'political'; but, on the other hand, as Hannah Arendt (1982, p. 7) has famously said, he "never wrote a political philosophy": the works of his we take to be political are "a mere 'play with ideas' or a 'mere pleasure trip'" (*ibid.*). In other words, Kant did not take political issues seriously. For this reason, conversation about the political-philosophical aspects of Kant's work is often preceded by a more general question: did Kant *have* a political philosophy? Though the answers to this question vary widely, political philosophy can be found in many of Kant's works, including those which, on the face of it, seem to have no connection to political problems. I, for one, agree with Patrick Savidan (2007, p. 49) who thinks that Arendt failed to make a convincing case when she claimed that Kant did not treat his political works seriously; and I maintain that Kant does have a political philosophy, even though it was not set forth in a dedicated form — in, for example, a hypothetical "Fourth Critique". The very fact that one of the key elements of Kant's philosophical system is human freedom, which is also considered to be a fundamental issue in political philosophy, attests that Kant was no stranger to political issues.

литической философии, уже свидетельствует в пользу того, что проблемы политической сферы жизни общества не были ему чужды.

Часто в литературе можно встретить характеристику Канта как либерального философа (Чалый, 2014, с. 58²; Bielefeldt, 1997, p. 525; Unberath, 2008, p. 366). Однако с относительно недавнего времени благодаря работам представителей Кембриджской школы интеллектуальной истории и их единомышленников его философию стали чаще анализировать в терминах республиканизма (Gregory, 2023; Kleingeld, 2020, p. 110; Ripstein, 2009, p. 42) и даже использовать для разработки идей последнего (Forst, 2013), тем самым подрывая устоявшийся «либеральный консенсус». Кант является важным автором для современной республиканской теории, но его значимость заключается скорее не в том вкладе, который он внес в республиканскую мысль, — едва ли здесь можно было бы отметить какие-то фундаментальные сдвиги, — а в особом положении, которое он занимает в ее истории. Среди исследователей и представителей различных направлений республиканизма распространена точка зрения, согласно которой республиканская теория на рубеже XVIII—XIX вв. либо претерпела существенные изменения, утратив свое смысловое ядро и уступив место ведущего направления политической мысли другим идейно-ценностным системам, либо была вытеснена либерализмом и вообще прекратила существование до тех пор, пока не была вновь открыта во второй половине XX в. (Петтит, 2016, с. 106; Покок, 2020, с. 30—31; Скиннер, 2006, с. 84, 94; Honohan, 2003, p. 111—119). Иными словами, в республиканской мысли существует определенный консенсус относительно того, что в данный период как под влиянием политических событий в странах Европы и Се-

² Заметим, что В. А. Чалый называет Канта либералом лишь отчасти, демонстрируя, что его либерализм в значительной мере уравновешивается существенным консервативным началом. О заслуживающих отдельного рассмотрения консервативных аспектах политической философии Канта, но представляемой уже в качестве республиканской, а не либеральной, также говорит Савидан (Savidan, 2007, p. 65).

In the literature, Kant is often referred to as a liberal philosopher (Chaly, 2014, p. 58;² Bielefeldt, 1997, p. 525; Unberath, 2008, p. 366). Of late, however, owing to the works of the Cambridge school of intellectual history and those who share its views, Kant's philosophy has been increasingly analysed with a republican frame of reference (Gregory, 2023; Kleingeld, 2020, p. 110; Ripstein, 2009, p. 42) and even used to develop republican ideas (Forst, 2013), thus undermining the established "liberal consensus". Kant is important for modern republican theory, but his significance stems not from his contribution to republican thought — no breakthroughs there — but from the special position he occupies in its history. The view widely held by researchers and representatives of various trends in republicanism is that republican theory saw major changes at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries: it lost its core and ceased to be the leading trend in political thought, either ousted by liberalism or simply disappeared until it was rediscovered in the second half of the twentieth century (Pettit, 1997, p. 50; Pocock, 2016, p. XXV; Skinner, 1998, pp. 96-97, 112-113; Honohan, 2003, pp. 111-119). In other words, there is wide consensus in republican thought that during said period, under the influence of political developments in Europe and North America, and in light of the emergence of new socio-political doctrines, republicanism lost the relevance it had preserved over centuries, stopped being the "right" kind of republicanism, and petered out. However,

² It should be noted that Vadim A. Chaly calls Kant a liberal only in part, demonstrating that his liberalism is, to a large extent, balanced by a conservative element. Savidan (2007, p. 65), too, draws attention to noteworthy conservative elements of Kant's political philosophy which he presents as republican and no longer liberal.

верной Америки, так и в силу развития новых социально-политических учений республиканизм утратил аутентичность, которую он сохранял на протяжении многих веков, перестав быть тем самым «правильным» республиканизмом, и постепенно сошел на нет. Однако в ряде работ, авторы которых придерживаются различных взглядов на республиканизм (см., например: Хархордин, 2021, с. 101–109; Honohan, 2003, p. 111–119; Viroli, 2002, p. 32–33), подчеркивается, что в это время республиканизм не исчез бесследно: с одной стороны, он дал почву для нарождающихся крупных политико-философских систем Нового времени, будь то либерализм, социализм или национализм; с другой — пережив процесс глубокой трансформации, он сохранил название, но с того момента имел мало общего с республиканской мыслью прошлого. Политическая философия Канта, таким образом, рассматривается как испытывавшая серьезное влияние молодых политико-философских систем и находившаяся на границе между данными системами и республиканизмом. Обращение к его фигуре происходит не столько для того, чтобы показать его сопричастность республиканизму, сколько с целью подчеркнуть тот факт, что после Канта республиканская мысль угасла, а он сам может считаться республиканцем лишь отчасти.

При этом подчеркнем, что серьезных споров о связи Канта с республиканизмом исследователи практически не ведут. Вопрос скорее заключается в том, насколько далеко Кант отстоит от «правильного» республиканизма. Так, например, И. Хонохан отмечает, что немецкого философа порой действительно называют республиканцем, но указывает на то, что его политико-философскую систему все же лучше понимать в либеральных терминах (Honohan, 2003, p. 293). Кант частично опирается на республиканское понимание свободы, которое он заимствует у Ж.-Ж. Руссо, но его представления об институте гражданства и государственном строительстве в немалой степени противоречат положениям классического республиканиз-

some authors, who hold different views on republicanism (see, for example, Kharkhordin, 2021, pp. 101-109; Honohan, 2003, pp. 111-119; Viroli, 2002, pp. 32-33), stress that republicanism during this period did not vanish without a trace: on one hand, it provided the soil for major nascent politico-philosophical systems of the Modern age, be they liberalism, socialism, or nationalism; and, on the other hand, after undergoing a profound transformation, republicanism retained its name, but little in common with its past. Kant's political philosophy is seen as having been heavily influenced by emerging politico-philosophical systems, and as straddling the divide between these systems and republicanism. Kant's figure is invoked, not so much to demonstrate his association with republicanism, as to stress the fact that, after Kant, republican thought faded, while he himself can be regarded as a republican only in part.

It must be stressed that there are no serious discussions among researchers about Kant's link with republicanism. The question has been, rather, how far removed is Kant from the "right kind" of republicanism. For example, Iseult Honohan (2003, p. 293) notes that while Kant is indeed sometimes called a republican, his political-philosophical system is best understood in liberal terms. Kant partly borrows his republican concept of freedom from Rousseau, but his ideas about the institution of citizenship and state-building are often at odds with the provisions of classical republicanism. Oleg V. Kharkhordin (2021, p. 106) holds a similar view, noting that it was thanks to Kant that the term "republicanism" gained philosophical recognition; but, at the same time, Kant, who in the treatise *Toward Perpetual Peace* defined republicanism as "the political principle

ма. Схожей позиции придерживается О. В. Хархордин, замечая, что именно благодаря Канту термин «республиканизм» получил философское признание, но в то же время, определив в трактате «К вечному миру» республиканизм как «государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от власти законодательной» (АА 08, S. 352; Кант, 2024б, с. 170), философ сильно отдалился от классического республиканизма и сосредоточился на вопросе государственного строительства, а не на абстрактных античных понятиях общего блага и достоинства народа (Хархордин, 2021, с. 106).

Весьма обстоятельную критику кантовского республиканизма предложил Ф. Петтит. По его мнению, Кант далеко отошел от классического, или итало-атлантического, республиканизма, концептуальное ядро которого составляют три идеи: 1) свобода, понимаемая как не-доминирование, то есть отсутствие по отношению к индивиду любых насильственных действий, носящих ничем не регламентированный характер; 2) смешанная форма правления, гармонично сочетающая в себе элементы трех классических форм — монархии, аристократии и демократии — с целью гарантировать верховенство закона; 3) возможность оспаривания отдельными гражданами политики властей, если она носит произвольный, то есть доминирующий, характер (Pettit, 2013, p. 170). Кант остался верен республиканскому пониманию свободы (Ibid., p. 177), но отказался от смешанного правления и оспаривания в пользу разделения властей и представительной системы (Ibid., p. 194–195). На этом основании Петтит относит Канта, а также Руссо к так называемой франко-германской республиканской традиции, пришедшей, как он полагает, на смену итало-атлантической в период, когда либерализм становился главной идеологией англоязычного мира (Ibid., p. 169).

Предпринятая Петтитом попытка разделить историю республиканской мысли на две традиции кажется спорной. С. Ожье даже позволяет себе назвать ее карикатурной, указывая на

of separation of the executive power (the government) from the legislative power” (ZeF, AA 08, p. 352; Kant, 1996b, p. 324), took a big step away from classical republicanism, concentrating on state-building as opposed to abstract antique concepts of the ‘common good’ and the ‘people’s birthright’.

Philip Pettit is a serious critic of Kant’s republicanism. He argues that Kant departed far from classical or Italian-Atlantic republicanism which centres around three ideas: 1) freedom understood as non-domination, i.e. as the absence of any unregulated violent acts with regard to the individual; 2) a mixed constitution, harmoniously combining elements of three classical forms — monarchy, aristocracy and democracy — in order to guarantee the rule of law; and 3) the possibility for individual citizens to contest official policy if it is arbitrary, i.e. has a dominating character (Pettit, 2013, p. 170). Kant remained loyal to the republican conception of freedom (*ibid.*, p. 177), but renounced the mixed constitution and the right of contestation in favour of the separation of powers (*ibid.*, pp. 194–195). This leads Pettit to include Kant, as well as Rousseau, in the Franco-German republican tradition which, he believes, replaced the Italian-Atlantic one when liberalism became the main ideology of the English-speaking world (*ibid.*, p. 169).

Pettit’s attempt to separate the history of republican thought into two traditions is contentious. Serge Audier (2015, p. 84) even calls it a caricature, pointing to the author’s hasty conclusions and excessive attachment to the idea of contestation. Indeed, Pettit’s approach is somewhat dogmatic. His “good” and “bad” traditions are incommensurable: while the Italian-Atlantic one traces its roots

поспешность сделанных автором выводов и его чрезмерную привязанность к идее оспариваемости (Одье, 2021, с. 125–126). Действительно, подходу Петтита, кажется, присущ некоторый догматизм. Выделенные им «хорошая» и «плохая» традиции выглядят несоразмерными друг другу: если итало-атлантическая берет начало в Древнем Риме и далее, проходя через эпоху Возрождения и Новое время, проникает в Новый Свет, откуда вновь возвращается в Европу лишь в XX в., то франко-германская, несмотря на то что отчасти она также уходит корнями в Античность, оказывается представлена всего двумя авторами — Руссо и Кантом, национальной принадлежности которых она и обязана своим названием. Невольно возникает вопрос: может ли традиция политической мысли быть сведена всего к двум именам? Однако если попытаться встроить логику Петтита в общую историю развития республиканской мысли, то, возможно, правильнее было бы рассматривать то, что он понимает под франко-германским республиканизмом, не как самостоятельную традицию, противостоящую «правильной» итало-атлантической, а как пограничное состояние, один из этапов развития республиканизма, предшествующий его забвению на рубеже XVIII–XIX вв.

В рамках настоящей работы мы, напротив, постараемся показать, что политическая философия Канта имеет значительно больше точек пересечения с республиканской теорией, чем полагают некоторые исследователи. Но вначале необходимо отметить, что республиканизм оставался на протяжении своей истории и остается сегодня весьма неоднородным политическим учением, включающим в себя ряд направлений и подходов, которые порой серьезно противоречат друг другу. Ядро республиканской мысли составляет группа из двух направлений, которые мы обозначаем как региональные. Первое — греческое, или афинское, корнями уходящее в греческую политическую философию, в частности труды Платона и Аристотеля. В наши дни оно всесторонне охарактеризовано, к примеру, в работах Э. Нельсона (Nelson, 2004)

to ancient Rome and then, passing through the Renaissance and the Modern era, reaches the New World, from where it returns to Europe only in the twentieth century, the Franco-German tradition, although it too partly has its roots in Antiquity, is represented by just two authors, Rousseau and Kant, whose ethnic identities give it its name. The question suggests itself: can a tradition of political thought be reduced to just two names? However, if we try to fit Pettit's logic within the common history of republican thought, it would probably make more sense to see what he calls Franco-German republicanism not as a tradition in its own right to be juxtaposed to the "right", Italian-Atlantic tradition, but as a borderline case: a stage in the development of republicanism preceding its oblivion at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries.

In this article, however, I will try to show that Kant's political philosophy has many more points of intersection with republican theory than some scholars believe. But first it should be noted that republicanism, throughout its history, has been a highly heterogeneous political teaching, including as it does a number of trends and approaches which sometimes seriously contradict one another. The nucleus of republican thought is a group of what are called regional trends. The first one is the Greek or Athenian trend whose roots go back to Greek political philosophy, most notably the works of Plato and Aristotle. Today it has been thoroughly described, for example, in the works of Eric Nelson (2004) and John Pocock (Pocock, 2016; see Stepanov, 2025, pp. 261-264). The second, Roman trend, has its origin in the works of ancient Roman political thinkers and lawyers. Its major modern representatives include

и Дж. Покока (Покок, 2020; см.: Степанов, 2025, с. 261–264). Второе — римское, берущее начало в трудах древнеримских политических мыслителей и юристов. Среди его крупных современных представителей стоит отметить Петтита, К. Скиннера и М. Вироли (Петтит, 2016; Скиннер, 2006; Viroli, 2002). Помимо региональных направлений в республиканизме также можно выделить ряд так называемых синтетических подходов, объединяющих обе региональные версии республиканизма или вовсе выходящих за пределы данной парадигмы с целью сформировать целостную традицию республиканской мысли. К ним можно отнести, например, минималистский республиканизм Ожье (Ожье, 2021) и классический, или гражданский, республиканизм Хонохан (Honohan, 2003) и отчасти Хархордина (Хархордин, 2021). Данный перечень можно было бы продолжить, однако и перечисленных здесь направлений, на наш взгляд, уже достаточно для того, чтобы продемонстрировать, сколь разнородна республиканская теория. Поэтому, разумеется, если в рамках одного подхода та или иная политико-философская система представляется достаточно республиканской, то в фокусе другого она вполне может таковой не оказаться. Говоря о политической философии Канта, мы полагаем, что ее республиканская ориентация наиболее полно сможет раскрыться в русле римского направления республиканизма, рассматриваемого нами несколько шире, чем предлагает Петтит.

Римский республиканизм

Римский республиканизм, также иногда называемый неоримским, был одной из первых концептуальных систем, созданных в республиканской теории, которая, несмотря на долгую историю самой идеи республики, еще достаточно молода с точки зрения строгой концептуальной оформленности. Исторически данное направление обязано своим существованием представителям Кембриджской школы и на сегодняшний день является, пожалуй, самым по-

Pettit, Quentin Skinner, and Maurizio Viroli (Pettit, 1997; Skinner, 1998; Viroli, 2002). In addition to regional trends, republicanism also includes so-called ‘synthetic’ approaches which combine both regional versions of republicanism or which go beyond their paradigm in order to form a comprehensive tradition of republican thought. One can also include, for example, the minimalist republicanism of Audier (2015), the classical or civic republicanism of Honohan (2003), and partly the republicanism of Kharkhordin (2021). The list can easily be continued, but the trends mentioned should suffice to demonstrate how heterogeneous the republican theory is. Needless to say, while on one approach this or that political philosophical system looks republican enough, it may not be seen as such from within another tradition. Speaking about Kant’s political philosophy, I believe that its republican orientation is most fully revealed in the Roman republican attitude, to which I devote more space than Pettit suggests is adequate.

Roman Republicanism

Roman republicanism, also sometimes called Neo-Roman, was one of the earliest conceptual schemes created for republican theory which, in spite of the long history of the idea of a republic, is still fairly young in terms of rigorous conceptual form. Historically, this trend owes its existence to the representatives of the Cambridge school and, as of today, is probably the most popular of these trends. As has been said above, its followers trace the origin of republican thought to ancient Rome, in particular the works of Cicero. For them, the republic is a “political system shared by all citizens where

пулярным среди прочих. Как уже было сказано, его сторонники полагают, что республиканская мысль берет начало в Древнем Риме, в частности в трудах Цицерона. Республика в их понимании — это разделяемая всеми гражданами «политическая система, в которой нет прямого личного управления одних людей другими, а скорее существуют условия равного гражданства, регулируемые согласно принципу верховенства права» (Lovett, Pettit, 2009, p. 12).

Краеугольным камнем римского республиканства является понятие свободы. Ее значение столь велико, что Вироли даже предлагает рассматривать республиканскую теорию в первую очередь как теорию политической свободы (Viroli, 2002, p. 4). Представители данного направления отстаивают особое понимание свободы, которое они обозначают как не-доминирование, или отсутствие зависимости (Ibid., p. 35; Петтит, 2016, с. 60). Оно заключается в том, что человек может считаться свободным только в том случае, если исключена всякая возможность (вероятность) осуществления в отношении него произвольного вмешательства, то есть такого, которое не было бы регламентировано ничем, кроме воли того, кто подобное вмешательство совершает. В этом смысле непроизвольным, или недоминирующим, будет лишь то вмешательство, на которое человек может дать согласие, иначе говоря, — легальное (Там же, с. 82).

Данная концепция выходит за границы классической дихотомии позитивной / негативной свободы — хотя и близка последней (Скиннер, 2013, с. 167; Lovett, Pettit, 2009, p. 12) — и в историческом отношении наследует римскому пониманию свободы как отсутствия статуса раба (Viroli, 2002, p. 8). Она противопоставляется другой разновидности негативной свободы — либеральной, обозначаемой как невмешательство. В соответствии с ней свободным может считаться лишь тот, кто не испытывает какого-либо физического насильственного воздействия или не принуждается к чему-либо посредством угрозы оказания такого воздействия (Петтит, 2016, с. 42—43; Скиннер, 2006, с. 75). Либеральная кон-

there is no direct personal rule of some people by others, but rather a condition of equal citizenship governed by the rule of law” (Lovett and Pettit, 2009, p. 12).

The cornerstone of Roman republicanism is the concept of liberty. It is so important that Viroli (2002, p. 4) proposes to consider republican theory as the theory of political freedom. The representatives of this trend have a special conception of freedom which they call ‘non-domination’, or the absence of dependence (*ibid.*, p. 35; Pettit, 1997, p. 21). A person can be regarded as free only if any possibility (probability) of arbitrary interference with that person is ruled out, with ‘arbitrary’ here meaning not regulated by anything except the will of the one who interferes. Accordingly, only that interference is non-arbitrary, or non-dominant, to which a person may agree — in other words, legal interference (*ibid.*, pp. 35-36).

This conception goes beyond the framework of the classical dichotomy between positive and negative freedom, although it is close to the latter (Skinner, 1984, pp. 202-203; Lovett and Pettit, 2009, p. 12) and is historically descended from the Roman notion of freedom as absence of the status of a slave (Viroli, 2002, p. 8). It is contrasted with the other variety of negative freedom, liberal freedom, which means non-interference. This considers only that person to be free who is not exposed to any physical violence and is not forced to do something by the threat of violence (Pettit, 1997, pp. 8-9; Skinner, 1998, p. 84). For Roman republicans, liberal republicanism’s notion of freedom is too broad, leaving enough space for a person’s autonomy to be restricted because the absence of direct interference in the affairs of a person does not guarantee that the person is truly

цепция, как полагают сторонники римского республиканизма, предлагает слишком широкое понимание свободы, оставляющее достаточное пространство для ограничения автономии человека, поскольку отсутствие прямого вмешательства в дела последнего отнюдь не означает, что он действительно свободен. Республиканская свобода, напротив, решает данную проблему, исключая элемент произвола и оставляя лишь такое вмешательство, которое признают все граждане, то есть закон. Достаточно наглядно эту разницу показывает Скиннер: «С точки зрения либералов, воля автономна, если ее никто не принуждает; с точки зрения неоримских авторов, волю можно назвать автономной только в том случае, если она свободна от опасности принуждения» (Скиннер, 2006, с. 75, примеч.). Именно здесь проходит главная разделительная линия между республиканизмом и либерализмом (Петтит, 2016, с. 43; Pettit, 2013, p. 175).

Другим важным элементом римского республиканизма является принцип верховенства права. В отличие от либеральной традиции, восходящей к Т. Гоббсу и рассматривающей закон как необходимое ограничение свободы (Гоббс, 1991, с. 165), в республиканской теории закон, обязательный для всех, кого он затрагивает, является одновременно условием и одной из гарантий сохранения свободы. Ограничения, налагаемые правовым регулированием на автономию граждан, призваны не сковать их «искусственными цепями», как считает Гоббс (Там же), а защитить от произвольного вмешательства, положив предел свободы одних в свободе других (Viroli, 2002, p. 9). Республика — это «империя законов, а не людей» (Lovett, Pettit, 2009, p. 12).

Наряду с законом еще одним залогом сохранения свободы в римском республиканизме выступает гражданское самоуправление, или политическое участие. Индивидуальная свобода тесно связана со свободой коллективной — одна не может существовать без другой. Как только сообщество теряет способность действовать согласно воле своих членов и становится объек-

free. By contrast, republican freedom solves this problem by ruling out arbitrariness and leaving only such interference that is recognized by all citizens, i.e. by the law. The difference is illustrated by Skinner (1998, pp. 84-85n): from the liberal point of view, “the will is autonomous provided it is not coerced; for the former the will can only be described as autonomous if it is independent of the danger of being coerced”. This is the main dividing line between republicanism and liberalism (Pettit, 1997, p. 9; Pettit, 2013, p. 175).

Another important element of Roman republicanism is the principle of the supremacy of law. In contrast to the liberal tradition, which goes back to Thomas Hobbes (2012, p. 328) and views the law as a necessary restriction of freedom, in republican theory, the law binding all is at the same time a condition and guarantee of freedom. The restrictions imposed by law on the autonomy of citizens are not, as Hobbes claims, “artificial chains” (*ibid.*), but are meant to protect against arbitrary interference by limiting the freedom of some in the freedom of others (Viroli, 2002, p. 9). The republic “is the empire of laws and not of men” (Lovett and Pettit, 2009, p. 12).

Along with the law, another guarantee of freedom in Roman republicanism is self-government, or political participation. Individual freedom is closely bound up with collective freedom; one cannot exist without the other. As soon as a community loses the capacity to act according to the will of its members and becomes the object of an alien will — be it representatives of local elites or foreign invaders — it falls into dependence and its citizens lose their discretion (Skinner, 1984, p. 213). “It is only possible to be free in a free state” (Skinner, 1998, p. 76). Therefore,

том чей-либо чужой воли, будь то представители местных элит или иноземные захватчики, оно впадает в зависимость, а его граждане утрачивают возможность распоряжаться собой по своему усмотрению (Скиннер, 2013, с. 179). «Свободным можно быть только в свободном государстве» (Скиннер, 2006, с. 69), поэтому граждане должны обладать возможностью и быть готовыми принимать участие в деле управления республикой, в общественных делах, служить общему благу, понимаемому как свободная и независимая жизнь (Viroli, 2002, p. 54), если они не желают находиться под произвольной властью. Свобода требует от них постоянной бдительности. Ее необходимо защищать от тех, кто пытается подменить общее благо своими личными интересами. Политическое участие, которое, по мнению Вироли, воспитывает культуру, не приемлющую доминирующую власть, враждебную ко всякой сервильности и высокомерности, формирует в сознании граждан представление о том, что свобода — это не благо, которым они обладают независимо ни от чего, а благо, которое они должны заслужить, за которое они должны каждый день бороться (Ibid., p. 11). Партисипация может выражаться в различных формах, например в виде прямого участия, посредством представительства или по модели оспаривания Петтита. При этом она не требует растворения индивидуального в общественном, подобно тому как это допускается в коммунитаризме, а, напротив, оставляет широкий простор для частной жизни, подталкивая человека к поиску баланса между этими двумя началами, поскольку благополучие одного тесно связано с благополучием другого.

Изложенные здесь в обобщенном виде положения римского республиканизма являются, с нашей точки зрения, главными отличительными чертами этого направления республиканской мысли. Мы сознательно не включаем в данный перечень концепцию смешанного правления, или смешанной конституции, поскольку полагаем, что ее значимость в римском республиканизме не столь велика, как пыта-

citizens must be able and willing to take part in running the republic and public affairs, and to serve the common good, meaning a free and independent life (Viroli, 2002, p. 54) if they do not want to live under arbitrary rule. Freedom demands that they be constantly vigilant. It must be protected from those who try to supplant the common good with their personal interests. Political participation which, according to Viroli, promotes a culture which rejects arbitrary power, is hostile to any servility and arrogance, instilling in the minds of citizens the idea that freedom is not a good they possess anyway, but a good they must deserve and for which they must fight every day (*ibid.*, p. 11). Participation may take various forms, such as, for example, direct participation, representation, or Pettit's model of contestation. It does not require the individual to become dissolved in the social, as in communitarianism, but, on the contrary, leaves a lot of room for private life, encouraging people to seek a balance between the two because the well-being of one is intimately connected with the well-being of the other.

The provisions of Roman republicanism presented in a nutshell above are, in my opinion, the key distinguishing features of this variety of republican thought. I deliberately do not include in this list the concept of mixed constitution or mixed government, since I do not consider it to be as significant in Roman republicanism as Pettit would have us believe. It can be found in the works of many republican authors (Skinner, 1998, p. 54; Viroli, 2002, p. 5), but it is not an end of republicanism in itself — in this case, only freedom matters — nor is it an element of ensuring freedom, so to speak, of the first order, which includes the principle of rule of law and self-government. Indeed, the main

ется показать Петтит. Ее можно обнаружить в трудах многих республиканских авторов (Скиннер, 2006, с. 54; Viroli, 2002, p. 5), но она не только не является самоцелью — в этом отношении значение имеет только свобода, — но и не принадлежит к элементам обеспечения свободы, скажем так, первого порядка, к числу которых мы относим принцип верховенства права и гражданское самоуправление. Действительно, главная задача смешанного правления — это организация государственной власти путем объединения монархического, аристократического и демократического начал таким образом, чтобы исключить возможность осуществления произвола со стороны государства и обеспечить правление закона. Иными словами, смешанное правление — это инструмент обеспечения верховенства права, которое, в свою очередь, выступает условием и гарантией свободы; это составная часть данной идеологии, так как институциональная организация государства относится к конституционному устройству, то есть к сфере законодательства. Кроме того, для республиканизма важным является не столько институциональный дизайн, сколько управление государством в согласии с законом и принципом общего блага (Хархордин, 2021, с. 9). В этом смысле республикой может быть и монархия, и аристократия.

Республиканизм Канта

Изложение республиканской теории Канта должно начинаться с того, что немецкий философ понимал под «республикой». В известной «Первой окончательной статье договора о вечном мире» республика определяется как разновидность государственного устройства, одна из двух форм правления, выделенных Кантом, то есть способ отправления власти в государстве. Для нее характерны отделение исполнительной власти от законодательной, система представительства, соответствие принципу свободы членов общества, зависимость членов общества от единого общего законодательства и их равен-

task of mixed constitution is to organise state power by combining the monarchic, aristocratic, and democratic elements in a way that would rule out arbitrary actions by the state, and ensure the rule of law. In other words, the mixed constitution is an instrument of securing the rule of law, which in turn is the condition and guarantee of freedom; it is part of this ideologeme because institutional organization of the state belongs to the sphere of constitutional structure, i.e. the sphere of legislation. Besides, what is important for republicanism is not so much institutional design as the running of the state in accordance with the law, and the principle of common good (Kharkhordin, 2021, p. 9). In that sense, both a monarchy and an aristocracy can be a republic.

Kantian Republicanism

The presentation of Kant's republican theory should begin with what the German philosopher meant by "republic." In the well-known "First Definitive Article of Perpetual Peace", the republic is defined as a type of state, one of the two forms of government Kant identifies; that is, the method of the exercise of power in the state. Its characteristics are the separation of the executive and legislative branches, a representative system, the principle of the freedom of society's members, their compliance with common laws, and their equality as citizens (ZeF, AA 08, p. 349-352; Kant, 1996b, pp. 322-324). It is the only state system that flows from the idea of the initial contract. The opposite of republicanism is despotism, a form of governance in which the government complies with the laws it has adopted for itself, i.e. is guided not by common but by private will. Like Cicero, Kant notes

ство как граждан (AA 08, S. 349–352; Кант, 2024б, с. 167–171). Это единственное государственное устройство, вытекающее из самой идеи первоначального договора. Противоположностью республики является деспотия — форма правления, при которой правительство исполняет законы, им самим для себя принятые, то есть руководствуется не общей волей, а частной. В духе Цицерона Кант отмечает, что в республике граждане сами на равных владеют государством, включая главу государства как частное лицо и, соответственно, члена общества, в то время как в деспотии глава государства — его собственник (AA 08, S. 351; Кант, 2024б, с. 169). При этом форма господства — то, сколько человек обладают высшей государственной властью, — не играет первостепенной роли в определении того, будет ли являться то или иное государство республикой или нет: ею может быть и автократия (власть одного)³, и аристократия, но только не демократия, которая «в собственном смысле слова (то есть прямая. — М. С.) неизбежно является *деспотизмом*» (AA 08, S. 352; Кант, 2024б, с. 170), поскольку при ней невозможны представительная система и разделение властей. Наиболее приемлемой формой господства будет та, которая сочетает в себе минимально возможное количество правящих лиц с максимально возможным уровнем представительства (AA 08, S. 353; Кант, 2024б, с. 171).

Свобода

Центральным элементом кантовского республиканизма является понятие свободы. Многие исследователи, рассматривающие политическую философию Канта в русле республиканской теории, обнаруживают согласие его представлений о свободе с республиканским по-

³ Кант настаивает на том, что монархическую и автократическую формы господства следует различать, так как «монарх — это тот, кто обладает *высшей* властью, *автократ* же, или самодержец, — тот, кто имеет *всю* власть» (AA 06, S. 338–339; Кант, 1994б, с. 375). Автократ сам является сувереном, в то время как монарх — только его представитель.

that in a republic the citizens own the state as equals, including the head of state as a private individual, hence a member of society; whereas in despotism, the head of state owns it (ZeF, AA 08, p. 351; Kant, 1996b, p. 324). The form of the state, i.e. how many people hold the top state power, is not of primary importance in defining whether or not a state is a republic: it may be an autocracy (the power of one)³ or an aristocracy, but not a democracy, which is, “in the strict sense of the word ((i.e. direct — M.S.) is necessarily a despotism” (ZeF, AA 08, p. 352; Kant, 1996b, p. 324) because under it a representative system and the separation of powers are impossible. The most acceptable form of the state would combine the minimal number of governing persons and the maximum possible level of representation (ZeF, AA 08, p. 353; Kant, 1996b, p. 325).

Freedom

The central element of Kantian republicanism is the concept of freedom. Many researchers who examine Kant's political philosophy in terms of republican theory find that his ideas of freedom chime with the republican interpretation of freedom (Kleingeld, 2020; Pettit, 2013; Savidan, 2007), which alone is sufficient grounds for identifying him with this trend of political thought. I will not dwell on this issue at any length, because enough has already been said about it. Kant rejects the liberal approach to freedom — namely, “do whatever one wants provided one does no wrong to anyone” (ZeF,

³ Kant insists on distinguishing monarchy and autocracy, arguing that “a monarch is one who has the highest authority, whereas an autocrat, who rules by himself, has all the authority” (MS, AA 06, pp. 338-339; Kant, 1991, p. 147). The autocrat is himself a sovereign, whereas the monarch is merely his representative.

ниманием свободы (Kleingeld, 2020; Pettit, 2013; Savidan, 2007), чего уже вполне достаточно для отнесения его к этому направлению политической мысли. По данному вопросу сегодня сказано достаточно, поэтому мы не будем долго останавливаться на нем. Кант отвергает либеральное понимание свободы как невмешательства — «делай все, что хочется, если только не нарушаешь чьего-либо права» (AA 08, S. 350, Anm.; Кант, 2024б, с. 167, примеч.) — и определяет свободу в духе римского не-доминирования, как основанную на праве возможность не подчиняться иному закону, кроме того, на который человек сам дал согласие (AA 06, S. 314; Кант, 1994б, с. 345). Предел такой свободы лежит в свободе другого и охраняется законом: никто, включая государство, не вправе произвольно вмешиваться в дела индивида — принуждать его к чему-либо или навязывать ту или иную модель благой жизни (AA 08, S. 290, 298; Кант, 2024в, с. 131–132, 140–141). Каждый вправе самостоятельно искать своего счастья, если данный поиск соотнобразуется с аналогичным правом других. Концепция свободы как не-доминирования должна лежать в основе не только конституции государства, но и всякого принимаемого им закона (B 373; Кант, 1994а, с. 285), — это главное условие для того порядка, когда закон действительно «самодержавен и не зависит ни от какого отдельного лица» (AA 06, S. 341; Кант, 1994б, с. 377).

Закон

Внешние законы у Канта воплощают в себе принцип права, заключающийся в «ограничении свободы каждого условием ее согласия со свободой каждого другого» (AA 08, S. 289–290; Кант, 2024в, с. 131); они определяют права индивидов и защищают одних от посягательств других, в совокупности образуя систему публичного права. Однако это ограничение свободы не является ограничением в собственном смысле слова: закон только гарантирует свободу, определяет ее рамки во взаимоотношениях людей друг с другом, но предел свободы лежит в ней

AA 08, p. 350n; Kant, 1996b, p. 322n) — and defines freedom in the spirit of Roman non-domination, as the law-based possibility not to obey any law other than that with which the person has agreed (MS, AA 06, p. 314; Kant, 1991, p. 125). The limit of such freedom is set by the freedom of others, and is protected by the law: no one, not even the state, has the right to arbitrarily interfere in the affairs of the individual and to force him to do something, or to impose this or that model of virtuous life (TP, AA 08, p. 290, 298; Kant, 1996c, p. 291, 297). Everyone is entitled to pursue their own happiness independently, so long as this pursuit does not prevent others from pursuing theirs. The concept of freedom as non-domination must be the basis, not only of the constitution of the state, but of every law that it passes (KrV, B 373; Kant, 1998, p. 397): “Law itself rules and depends on no particular person” (MS, AA 06, p. 341; Kant, 1991, p. 148).

Law

With Kant, external laws embody the principle of “the limitation of the freedom of each to the condition of its harmony with the freedom of everyone” (TP, AA 08, pp. 289–290; Kant, 1996c, p. 290); they determine the rights of individuals and protect against encroachments by others, forming a system of public law between them. This restriction of freedom, however, is not restriction in the proper sense: while the law merely guarantees freedom, defining its limits in the relations between people, the limit of freedom lies within it, in its consent with the analogous rights of others (Demenchonok, 2019, pp. 214–215). In the state of nature, too, the freedom of one must be in harmony

самой — в ее согласии с аналогичным правом других (Demenchonok, 2019, p. 214–215). В естественном состоянии свобода человека также должна быть согласована со свободой окружающих, но ввиду отсутствия какого-либо закона, который оградил бы людей от посягательств друг друга, человек, «безусловно, злоупотребляет своей свободой в отношении свободы других» (AA 08, S. 23; Кант, 2024а, с. 37). Переходя из естественного в гражданское состояние, люди отказываются от этой «безответственной» свободы для того, чтобы — и здесь Кант вновь полемизирует с гоббсовским либерализмом — снова «в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости» (AA 06, S. 316; Кант, 1994б, с. 348). Сущность свободы — самоограничение — при таком переходе не изменяется, но изменяется поведение людей в отношении свободы друг друга. Соответственно, не закон ограничивает свободу, а свобода устанавливает предел самой себе в равной свободе других, который, в свою очередь, становится основополагающим принципом всего правового порядка (Bielefeldt, 1997, p. 543).

Все члены гражданской общности равны перед законом. Никто не может обязать кого-либо совершить (или не совершить) то или иное действие, не будучи обязанным сделать то же самое в аналогичных обстоятельствах (AA 08, S. 350; Кант, 2024б, с. 168). При этом глава исполнительной власти, то есть глава государства, будь то какое-либо должностное лицо или коллегиальный орган, не может быть принужден к чему-либо по закону, поскольку сам является единственным, кто может осуществлять легальное вмешательство (AA 08, S. 291; Кант, 2024в, с. 132–133). Глава государства должен действовать в согласии с законом, тем самым воплощая в своем лице принцип верховенства права. Но в то же время в силу наличия у него свободы от принуждения он не может понести правовой ответственности за совершаемые им на своем посту действия, даже если они открыто противоречат закону. Законодатель вправе лишить его власти или соответствующим образом реформировать

with the freedom of others; but, in the absence of any law protecting people from the encroachments of others, one “certainly misuses his freedom in regard to others of his kind” (*IaG*, AA 08, p. 23; Kant, 2007, p. 113). In passing from the natural to the civil state, man renounces this “irresponsible” freedom in order to — and here Kant again polemicalizes with Hobbes — “find his freedom as such undiminished, in a dependence upon laws” (*MS*, AA 06, p. 316; Kant, 1991, p. 127). Such transition does not change the essence of freedom, which is self-restraint, but it changes people’s behaviour with regard to each other’s freedom. So, it is not that the law restricts freedom, but freedom sets its own limit in the shape of the equal freedom of others, which in turn becomes the fundamental principle of the whole legal order (Bielefeldt, 1997, p. 543).

All members of a society are equal before the law. Nobody can coerce someone into doing (or not doing) something unless he, too, is under an obligation to do the same under analogous circumstances (*ZeF*, AA 08, p. 350n; Kant, 1996b, p. 322n). The chief executive, that is, the head of state, whether an official or a collegiate body, cannot be coerced into something, being the only person who has the right to interfere (*TP*, AA 08, p. 291; Kant, 1996c, p. 292). The head of state is duty-bound to act in conformity with the law thereby being the embodiment of the rule of law as a principle. At the same time, because he cannot be coerced, he cannot be legally responsible for his actions in his post, even if these actions are overtly illegal. The law-maker can strip him of power or make appropriate changes in the institution, but he has no right to impose any sanctions under the law because this is the prerogative of the executive branch (*MS*, AA 06, p. 317; Kant, 1991, p. 128).

данный институт, но он не вправе применить к нему никаких санкций по закону, так как это исключительная прерогатива исполнительной власти (AA 06, S. 317; Кант, 1994б, с. 349).

Надправовое положение главы государства вкупе с невозможностью сопротивления ему со стороны граждан, о чем подробнее пойдет речь ниже, является самым уязвимым для критики пунктом выстраиваемой Кантом политико-философской системы в части верховенства права. Однако учитывая то безусловно важное положение, которое закон занимает в ней, особенно в том, что касается претворения в жизнь свободы как не-доминирования и ее гарантии, мы можем в целом констатировать согласие положений Канта по данному вопросу с республиканской теорией.

Иначе обстоит дело с проблемой смешанного правления в политической мысли Канта. Сам он отказался говорить о данной концепции (AA 06, S. 339; Кант, 1994б, с. 375), но в литературе порой можно встретить диаметрально противоположные точки зрения на его позицию по отношению к ней. Например, Савидан полагает, что Кант защищает принцип смешанной конституции, устанавливая в качестве критерия хорошо устроенного государства сочетание демократического суверенитета и аристократического или монархического правления (Savidan, 2007, p. 61). Напротив, Петтит утверждает, как уже упоминалось выше, что Кант отказывается от смешанного правления, тем самым порывая с итало-атлантической традицией (Pettit, 2013, p. 188). Его главный аргумент заключается в том, что у Канта отсутствует система сдержек и противовесов, свойственная смешанной конституции. Действительно, в кантовском государстве верховная власть находится в руках суверена или законодателя, которым является весь народ, действующий посредством своих представителей (AA 06, S. 313–314; Кант, 1994б, с. 345). Издаваемые им законы и являются объединенной волей народа. Кант называет суверена «олицетворенным законом» (AA 08, S. 294, Anm.; Кант, 2024в, с. 135, примеч.), тем

The head of state being above the law, and the impossibility of civilian resistance, of which more will be said anon, is the most vulnerable part of Kant's political-philosophical system concerning the rule of law. However, considering the undeniable importance of law in this system, especially as regards the implementation of freedom as non-domination and its guarantees, we can say that, on the whole, Kant is in agreement with republican theory on this issue.

Not so on the problem of mixed constitution in Kant's political thought. Kant himself eschewed speaking about this concept (MS, AA 06, p. 339n; Kant, 1991, p. 147n), but in the literature one sometimes finds diametrically opposed opinions on his position on the problem. For example, Savidan thinks that Kant defends the principle of mixed constitution, establishing, as the criterion of a well-structured state, the combination of democratic sovereignty and aristocratic or monarchic rule (Savidan, 2007, p. 61). By contrast, Pettit claims, as we mentioned above, that Kant rejects mixed forms of government, thereby breaking with the Italian-Atlantic tradition (Pettit, 2013, p. 188). His main argument is that Kant does not have a system of checks and balances characteristic of the mixed constitution. Indeed, in the Kantian state, supreme power is vested in the sovereign or the law-maker, that is, the whole people acting through its representatives (MS, AA 06, pp. 313-314; Kant, 1991, p. 125). The laws it passes are the unifying will of the people. Kant refers to the sovereign as "the personified law itself" (TP, AA 08, p. 294n; Kant, 1996c, p. 294n), thus stressing that the state should be ruled not by people but by impersonal law. The executive is not a branch of power, but the sovereign's organ

самым подчеркивая, что в государстве должны править не люди, а безликий закон. Исполнительная власть представляет собой не отдельную ветвь власти, а орган суверена, который, однако, он практически не может контролировать (AA 06, S. 316–317; Кант, 1994б, с. 348–349). Также существует судебная власть, которая осуществляется народом через избранных им представителей и позволяет «через исполнительную власть каждому взыскать *свое*» (AA 06, S. 317; Кант, 1994б, с. 350). Все три власти «содержат в себе отношение общего главы... к разрозненной массе народа» (AA 06, S. 315; Кант, 1994б, с. 347), то есть являются производными от одного лица — суверена. И хотя Кант подчеркивает, что разделенные власти взаимно дополняют одна другую для блага государства и даже «подчинены друг другу таким образом, что одна из них не может узурпировать функций другой» (AA 06, S. 316; Кант, 1994б, с. 348), мы видим, что в предлагаемом немецким философом государственном устройстве отсутствуют равенство и взаимоограничение ветвей власти, что является сущностной особенностью системы сдержек и противовесов. Если мы обратимся к Полибию — автору концепции смешанного правления, — то обнаружим, что ее предназначение заключается в организации такого государственного устройства, в рамках которого все три формы правления на равных взаимно сдерживали бы друг друга, не позволяя тем самым ни одной из них взять верх (Полибий, 2005, с. 13). Схожие интуиции можно найти, например, в сочинениях Цицерона и Макиавелли (Цицерон, 1966, с. 32–33; Макиавелли, 1982, с. 385–386). Таким образом, позиция Петтита в полной мере отражает действительность.

Гражданское самоуправление

Пожалуй, самым проблематичным местом в политико-философской системе Канта в контексте республиканизма является область политического участия. Кант устанавливает для него довольно жесткие рамки, что вызывает впол-

over which he has practically no control (MS, AA 06, pp. 316-317; Kant, 1991, pp. 127-128). There is also the judiciary power exercised by the people through its elected representatives, which makes it possible “to render to each what is his with the help of the executive authority” (MS, AA 06, S. 317; Kant, 1991, pp. 128-129). All these branches “comprise the relation of a superior over all [...] to the multitude of that people” (MS, AA 06, p. 315; Kant, 1991, p. 127); they are derived from one and the same person, the sovereign. Although Kant stresses that the separate branches mutually complement one another for the good of the state, and are even “subordinate to one another, so that one of them, in assisting another, cannot also usurp its function” (MS, AA 06, p. 316; Kant, 1991, p. 127), we see that the state structure he proposes lacks equality and mutual constraint of the branches of power, which is an essential feature of a system of checks and balances. If we turn to Polybius, the author of the concept of mixed government, we find that its aim is to organize the state in such a way that all three forms of governance, as equals, mutually support one another without allowing any of them to gain the upper hand (Polybius, 2010, pp. 379-378). Similar intuitions can be found, for example, in the works of Cicero and Machiavelli (Cicero, 1998, pp. 32-33; Machiavelli, 1996, p. 13). Thus, Pettit’s position accurately reflects reality.

Self-government

The most problematic place in Kant’s political philosophy in the context of republicanism has to do with political participation. Kant places it in a rigid framework, which elicits justified criticism

не оправданную критику со стороны Петтита. По мнению Канта, если у народа возникает недовольство государственным управлением, то ему ничего не остается, кроме как продолжить повиноваться действующей власти, даже если последняя откровенно нарушает условия первоначального договора и становится тиранической (AA 08, S. 298–299; Кант, 2024в, с. 140–142). По логике философа, сопротивления или восстания не может быть по праву, так как данное право угрожает самому правовому состоянию, существующему только через подчинение верховной власти, принимающей обязательные для всех законы. Иными словами, установление права на сопротивление или восстание подрывало бы онтологические основания этого же права, поскольку допускалась бы ситуация, при которой право утрачивало свой абсолютный статус, то есть вновь наступало бы естественное состояние, что для Канта значительно более худшее положение, чем злоупотребления власти (AA 06, S. 320; Кант, 1994б, с. 353). Кроме того, даже если бы народ обладал подобным правом, то для разрешения его спора с властью потребовался бы некто, обладающий большей властью, чем верховная власть в государстве, и так до бесконечности (AA 08, S. 300; Кант, 2024в, с. 142). Следовательно, сопротивление или восстание возможны только не по праву, что представляет собой преступление. Несмотря на то что народ во всей своей совокупности является сувереном, он может выражать свою волю только через своих представителей в виде закона и никак иначе. Причем данный запрет, как полагает К. Вестфаль, является не только юридическим, но и моральным, так как выходит из морального же основания перехода из естественного состояния в гражданское (Westphal, 1993, p. 270).

В то же время похоже, что кантовский запрет на сопротивление власти неабсолютен. Р. Маликс указывает на два положения в трудах Канта, по какой-то причине обойденные Петтитом, но позволяющие прийти к такому выводу (Maliks, 2014, p. 137–138). В «Пояснительных замечаниях к метафизическим началам учения

from Pettit. In his view, if the people does not like the way the state is run, it has no option but to continue to obey the incumbent government even if the latter openly violates the terms of the initial contract and becomes tyrannical (*TP*, AA 08, pp. 298-299; Kant, 1996c, pp. 297-298). According to Kant's logic, resistance or uprising cannot be legal because such a right threatens legality in general, which exists only through general subordination to a supreme power that adopts laws that are binding on all. In other words, a right to resistance or uprising would undermine the ontological grounds of this very law insofar as it would allow for a situation wherein law loses its absolute status, i.e. wherein we are returned to the state of nature — which, for Kant, is much worse than abuse of power (*MS*, AA 06, p. 320; Kant, 1991, p. 131). Besides, even if the people had such a right, resolving the dispute with power would require someone who wields greater power than the supreme power of the state, and so on ad infinitum (*TP*, AA 08, p. 300; Kant, 1996c, p. 299). Consequently, resistance or uprising are possible only outside the law, which is a crime. Although the people is sovereign, it can express its will only through its representatives in accordance with the law and not otherwise. According to Kenneth Westphal (1993, p. 270), the ban is not only legal but moral, emerging as it does on moral grounds, i.e. the transition from a natural to a civil state.

At the same time, the Kantian ban on resistance to power does not seem to be absolute. Reidar Maliks (2014, pp. 137-138) points to two propositions in Kant's works which Pettit, for some reason, has ignored, but which prompt such a conclusion. In "Explanatory Remarks on The Metaphysical

о праве», написанных в качестве ответа на рецензию Ф. Бутервека, Кант пишет: «...повинуйтесь правительству, имеющему над вами власть (во всем, что не противоречит внутренне моральному), — это категорический императив» (AA 06, S. 371; Кант, 1994б, с. 410–411). Первая часть данного императива вполне согласуется с содержащимися в «Учении о праве» положениями, однако его вторая часть дополнительно вводит моральный компонент, устанавливающий границы подчинения государственной власти, которого, как замечает Маликс, нет в тексте «Учения...» (Maliks, 2014, p. 137). Схожую мысль мы обнаруживаем в работе «Религия в границах одного только разума», в которой Кант утверждает, что если люди, наделенные властью, «заповедуют что-то, что само по себе является злым (непосредственно противно нравственному закону), то можно и должно им не повиноваться» (AA 06, S. 99, Anm.; Кант, 2024г, с. 188, примеч.). Маликс полагает, что для Канта индивидуальное моральное суждение, соотнобразующееся с категорическим императивом, стоит выше политической власти (Maliks, 2014, p. 137–138). Здесь Кант не говорит о праве на сопротивление — об этом речи идти не может, — но он оставляет для граждан возможность не повиноваться распоряжениям облеченных властью лиц, идущих вразрез с идеей долга. Когда же что-то распознается как долг, то повиновение этому обязательно, как если бы это была божественная заповедь (AA 06, S. 99; Кант, 2024г, с. 188). Кант запрещает выступать не против любой власти, а только против правомерно установленной власти в гражданском состоянии. Если мы можем в отношении какого-либо образования людей сказать, что оно хотя бы в минимальной степени соответствует идее общественного договора, государственного устройства вообще, то есть в нем есть правовой порядок, пусть и самый плохой, то подчинение ему со стороны его членов обязательно (AA 06, S. 371–372; Кант, 1994б, с. 411). В противном случае такое образование никак нельзя назвать государством, то есть люди до сих пор находят-

First Principles of the Doctrine of Right”, a reply to Friedrich Bouterwek’s review, Kant writes: “Obey the authority who has power over you (in whatever does not conflict with inner morality)” (MS, AA 06, p. 371; Kant, 1991, p. 176). The first part of this imperative is consistent with the provisions of the *Doctrine of Right*, but the second part introduces a moral component which sets limits to submission to state power, which, as Maliks notes, is not in the text of the *Doctrine*. We find a similar idea in *Religion within the Bounds of Bare Reason*, where Kant argues that if people vested with power “command something that is in itself evil (directly opposed to the moral law), one need not, and ought not to, obey them” (*Rel*, AA 06, p. 99n; Kant, 2009, p. 109n). Maliks (2014, pp. 137-138) believes that, for Kant, individual moral judgment that complies with the categorical imperative stands above political power. Here Kant does not speak about the right to resistance — that is out of the question — but he allows citizens to disobey the orders of people in power which contradict the idea of duty. But when something is identified as a duty compliance, it is as mandatory as if it were a divine commandment (*Rel*, AA 06, p. 99n; Kant, 2009, p. 109n). Kant bans opposition, not to any power, but only to legitimately established power in a civil state. If we can say of any group of people that it conforms, at least to a minimum degree, to the idea of the social contract and state structure in general, i.e. that it has legal order, then, regardless of how bad it is, obeying its law is mandatory for its members (MS, AA 06, pp. 371-372; Kant, 1991, p. 176). Failing that, such an entity cannot be called a state; its people are still in the state of nature. This explains why Pettit sidestepped these caveats of Kant, and brings us back to

ся в естественном состоянии. И здесь становится понятным, почему Петтит, возможно, обошел вниманием данные уточнения Канта: мы вновь вернулись к тому, что гражданское состояние, даже самое далекое от идеи республики, предпочтительнее естественного; что запрет на сопротивление и восстание, утверждаемый из страха возвращения в естественное состояние, оставляет государственной власти широкие возможности для нарушения закона.

Запрет ставить под сомнение основания правового порядка — это общая морально-правовая рамка, в границах которой члены гражданской общности тем не менее обладают определенными возможностями повлиять на государственную власть. В первую очередь речь идет об участии в законотворчестве. Если гражданин удовлетворяет конкретным критериям, то он имеет право участвовать в принятии законов (AA 06, S. 314; Кант, 1994б, с. 345—346). К сожалению, Кант не дает каких-либо разъяснений по поводу того, как должна проходить процедура голосования граждан за своих представителей в законодательном органе. Мы можем лишь с некоторой долей уверенности утверждать, что эта процедура носит открытый характер (Maliks, 2014, p. 108) и проходит по принципу большинства (AA 08, S. 296; Кант, 2024в, с. 138—139), что, по мнению М. Грегори, не противоречит идее общей воли и не делает закон доминирующим, поскольку данный принцип был принят по всеобщему согласию в момент заключения общественного договора, и поэтому принимаемый большинством закон предстает как одобренный всем народом либо через голосование за него, либо посредством принятия принципа большинства в качестве легитимного (Gregory, 2023, p. 132). Выступая как законодательная власть, как суверен, народ может, как уже было сказано, соответствующим образом воздействовать на главу государства.

Помимо участия в принятии законов граждане также вправе действовать в индивидуаль-

the idea that the civil state, even if it is remote from being a republic, is better than the state of nature: a ban on resistance and uprising, imposed out of fear of a return to the state of nature, gives the state great leeway to break the law.

The ban on questioning the foundations of the legal order provides a general moral and legal framework within which members of the civil society still have some opportunities to influence state power. First and foremost, I am referring to participation in law-making. If a citizen meets certain criteria, he has the right to take part in the adoption of laws (MS, AA 06, p. 314; Kant, 1991, pp. 125-126). Unfortunately, Kant does not explain the procedure according to which citizens are to vote for their representatives in the law-making body. We can only say with a fair degree of certainty that the procedure is open (Maliks, 2014, p. 108) and is based on the majority principle (TP, AA 08, p. 296; Kant, 1996c, p. 296), which, as Mike Gregory (2023, p. 132) observes, does not contradict the idea of the common will and does not make the law pre-eminent, since the principle was adopted by general agreement at the time the social contract was struck, such that the law is deemed to have been approved by the whole people, by the vote in its favour, or through the adoption of the majority principle as legitimate. Acting as legislative power, as the sovereign, the people may influence the head of state, as has been said above.

In addition to the passage of laws, citizens also have the right to act individually. Kant believes that the main task of the state is to ensure public well-being (the common good), which refers not to the happiness of its members (which they have rights to pursue

ном порядке. По мнению Канта, основная задача государства заключается в обеспечении общественного благополучия (общего блага), понимаемое не как счастье его членов, которое они вправе искать самостоятельно, а как основанный на принципе права порядок, гарантирующий им свободу (AA 08, S. 298; Кант, 2024в, с. 140–141). Но он не считает суверена совершенным существом, а, напротив, признаёт, что тот может порой ошибаться или быть несведущим в определенного рода вопросах (AA 08, S. 304; Кант, 2024в, с. 147–148). По этой причине граждане должны быть способны свободно указывать государю на его ошибки, чтобы он, своевременно исправляя их, продолжал надлежащим образом исполнять свой долг. В некотором роде это даже их обязанность как правоспособных существ, которым надлежит с любовью и заботой относиться к своему государству (AA 08, S. 291; Кант, 2024в, с. 132). Кант настаивает на том, что гражданам всегда должно быть дозволено публично выражать свое мнение по насущным проблемам государственного управления (AA 08, S. 37–38; Кант, 2024д, с. 50–52), а также подавать протест, в случае если у них есть подозрения, что глава государства нарушает закон (AA 06, S. 319; Кант, 1994б, с. 352).

С одной стороны, Кант действительно оставляет мало пространства для гражданского самоуправления. Особенно это касается практики индивидуального оспаривания, о которой говорит Петтит. С другой — это пространство довольно широко. Отнюдь не в каждой философско-политической работе того времени можно встретить нечто подобное. Республиканская теория в целом не склонна давать конкретных рецептов политического участия. В ней мало универсализма. Все зависит от конкретной гражданской общности — ее истории, культуры, географического положения и др. Важен сам принцип: «то, что касается всех, должно решаться всеми» (Viroli, 2002, p. 4). Участие граждан в общественных делах должно способствовать сохранению их свободы, но оно не является самоцелью. Виро-

independently), but to law-based order that guarantees their freedom (*TP*, AA 08, p. 298; Kant, 1996c, p. 298). But he does not consider the sovereign to be perfect. On the contrary, Kant admits that he may err, or be ignorant of some matters (*TP*, AA 08, p. 304; Kant, 1996c, p. 302). Citizens must therefore be free to flag the sovereign's mistakes such that he might rectify them in a timely manner and perform his duty properly. In a certain sense, it is their duty, as legally capable persons who should regard their state with love and care, to do so (*TP*, AA 08, p. 291; Kant, 1996c, p. 291). Kant insists that citizens should always be allowed to voice their opinion on outstanding problems of state government (*WA*, AA 08, pp. 37-38; Kant, 1996a, pp. 18-19), and file a protest if they suspect that the head of state is breaking the law (*MS*, AA 06, p. 319; Kant, 1991, p. 130).

On the one hand, Kant does leave little room for self-government. This is true especially of the practice of individual contestation Petit speaks about. On the other hand, this space is fairly wide considering that by no means every philosophical-political work of the time addresses this matter. Moreover, republican theory on the whole is short on concrete advice on political participation. It has little universalism. Everything depends on the civil community in question — its history, culture, geographical position, and so on. It is the principle that matters: “what affects all must be decided by all” (Viroli, 2002, p. 4). Citizens' participation in public affairs should safeguard their freedom, but it is not an end in itself. Viroli goes further and writes that what matters is not so much participation as good rulers who

ли заходит дальше и пишет, что зачастую важно не столько участие, сколько хорошие правители, желающие служить общему благу (*Ibid.*, p. 66). Кант демонстрирует, что также придерживается данного принципа, когда пишет: «...чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа» (AA 08, S. 304; Кант, 2024в, с. 148). Его суверен — это сам народ, опосредованный институционально. Все, что он делает, — это и есть воля народа, желающего жить свободно под властью внешнего закона. Иными словами, по логике Канта, коллективный народ осуществляет самоуправление. Во многом ответ на вопрос, есть ли в теории Канта политическое участие, будет зависеть от позиции конкретного исследователя. Мы же, со своей стороны, в условиях отсутствия строгих критериев по данному пункту склонны полагать, что говорить о наличии в философско-политической системе Канта гражданского самоуправления возможно.

Заключение

Сегодня все меньше сомнений вызывает утверждение, что Канта следует относить к республиканским мыслителям. Поэтому простого признания его таковым уже недостаточно. Теперь основной вопрос заключается скорее не в том, является ли Кант республиканцем, а в том, насколько прочна его связь с республиканизмом. Остается ли философ верен ему в полном объеме или отходит от него в пользу иных политико-философских систем, и тогда Канта можно считать сторонником республиканской теории лишь отчасти?

Политическая философия Канта является продуктом своего времени. Значительную часть своих социально-политических работ он написал в тот период, когда европейская политическая философия находилась в процессе трансформации, совершая переход от постепенно устаревающих античных представлений

wish to serve the common good (*ibid.*, p. 66). Kant demonstrates that he, too, adheres to this principle when he writes: “What a people cannot decree for itself a legislator also cannot decree for a people” (TP, AA 08, p. 304; Kant, 1996c, p. 302). His sovereign is the institutionally mediated people. Everything it does is the will of the people which wants to live freely under external law. In other words, the people governs itself collectively. The answer to the question of whether Kant’s theory includes political participation often depends on the position of the researcher. In the absence of rigorous criteria on this matter, I am inclined to say that Kant’s political philosophy does leave room for self-government.

Conclusion

Today, the claim that Kant should be regarded as a republican thinker is being challenged less and less. Thus, mere recognition of this fact is not enough. The main question now is not *whether* Kant is a republican, but *how strong is his connection* with republicanism. Is the philosopher loyal to it to the hilt, or does he depart from it in favour of other politico-philosophical systems — and then can Kant be considered a supporter of republican theory only up to a certain point?

Kant’s political philosophy is a product of his time. Many of his socio-political works were written at a time when European political philosophy was in the process of transformation, shedding obsolescent, antique ideas of politics in favour of more

о политике к нововременным. Это был период становления классических идеологий. Данный процесс хорошо отражают работы Канта — в некотором роде он находится на границе двух миров. С одной стороны, в них возможно обнаружить характерный для либерализма индивидуализм и представление о человеческой воле как источнике социальных связей, с другой — вполне античное видение республики и деспотии. Здесь мы можем легко наблюдать, говоря языком сторонников римского республиканизма, то, как либерализм последовательно замещал собой республиканизм, в результате чего последний оказался забыт вплоть до XX в. В этом смысле Канта действительно можно назвать последним республиканцем той эпохи. Однако это не означает, что он не был полноценным республиканцем. Напротив, поместив его политико-философскую систему в широкий контекст римского республиканизма, нам удалось продемонстрировать, что она, несмотря на некоторые неоднозначные моменты, в целом согласуется с его ключевыми положениями. Исходя из этого мы можем заключить, что Канта вполне возможно рассматривать как полноправного представителя римской ветви республиканской традиции политической мысли.

Список литературы

Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. СПб. : Наука, 2011.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. : в 2 т. / под. ред. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3—545.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 3. С. 5—622.

Кант И. Метафизика нравов // Соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 6. С. 223—567.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под. ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 2. С. 31—47.

modern ones. The period saw the emergence of classical ideologies. This process is well reflected in Kant's works. In a certain sense, he sits on the border between two worlds. On the one hand, we can find in them individualism and the notion of the human will as the source of social interactions characteristic of liberalism; and, on the other hand, a patently antique view of the republic and of despotism. To use the language of Roman republicanism, we see how liberalism gradually replaced republicanism, as a result of which the latter was in oblivion until the twentieth century. In that sense, Kant can indeed be called the last republican of that epoch. But this is not to say that he was not a full-fledged republican. On the contrary, by putting his political philosophy in the broader context of republicanism, I have demonstrated that, in spite of some controversial issues, on the whole it chimes with its key provisions. On the strength of that, we can conclude that Kant can safely be considered to be a fully paid-up member of the Roman branch of the republican tradition in political thought.

References

Arendt, H., 1982. *Lectures on Kant's Political Philosophy*. Chicago: The University of Chicago Press.

Audier, S., 2015. *Les théories de la république: nouvelle édition*. Paris: La Découverte.

Bielefeldt, H., 1997. Autonomy and Republicanism: Immanuel Kant's Philosophy of Freedom. *Political Theory*, 25(4), pp. 524-558.

Chaly, V. A., 2014. Kant between Liberalism and Conservatism. *Kantian Journal*, 4, pp. 54-60. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-4-4>. (In Rus.)

Cicero, 1998. *The Republic and The Laws*. Translated by N. Rudd. Oxford: Oxford University Press.

Кант И. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под. ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2. С. 159–211.

Кант И. О поговорке «Может быть, это верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под. ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 2. С. 114–156.

Кант И. Религия в границах одного только разума // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под. ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 3. С. 81–310.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под. ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024д. Т. 2. С. 48–55.

Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Избр. соч. / сост. Р. Хлодовский. М. : Художественная литература, 1982. С. 379–452.

Одье С. Теории республики. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.

Покок Дж. Г. А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М. : Новое литературное обозрение, 2020.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах : в 3 т. СПб. : Наука, 2005. Т. 2.

Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Логос. 2013. Т. 23, № 2. С. 155–186.

Степанов М. А. Республиканизм: опыт концептуализации // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 3. С. 252–276.

Хархордин О. В. Республика. Полная версия. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Demenchonok, E., 2019. Learning from Kant: On Freedom. *Revista Portuguesa de Filosofia*, 75, pp. 191-230. https://doi.org/10.17990/RPF/2019_75_1_0191.

Forst, R., 2013. A Kantian Republican Conception of Justice as Nondomination. In: A. Niederberger and P. Schink, eds. 2013. *Republican Democracy: Liberty, Law and Politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 154-168.

Gregory, M., 2023. Does the Kantian state Dominate? Freedom and Majoritarian Rule. *Ratio*, 36(2), pp. 124-136. <https://doi.org/10.1111/rati.12366>.

Hobbes, T., 2012. *Leviathan*. In 3 Volumes. Volume 2: *The English and Latin Texts*. Edited by N. Malcolm. Oxford: Clarendon Press.

Honohan, I., 2003. *Civic Republicanism*. London & New York: Routledge.

Kant, I., 1991. *The Metaphysics of Morals*. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1996a. An Answer to the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15-22.

Kant, I., 1996b. *Toward Perpetual Peace. A Philosophical Project (1795)*. In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 1996c. On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, But It Is of no Use in Practice (1793). In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 279-309.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöller and R. B. Louden ; translated by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kant, I., 2009. *Religion within the Bounds of Bare Reason*. Translated by W. S. Pluhar. Indianapolis & Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc.

Kharkhordin, O. V., 2021. *Respublika. Polnaya versiya [The Republic. Full Version]*. Saint-Petersburg: The European University at Saint-Petersburg Press. (In Rus.)

Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / под ред. С. Л. Утченко. М. : Наука, 1966. С. 7–88.

Чалый В. А. Кант между либерализмом и консерватизмом // Кантовский сборник. 2014. № 4. С. 54–60. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-4-4>.

Bielefeldt H. Autonomy and Republicanism: Immanuel Kant's Philosophy of Freedom // *Political Theory*. 1997. Vol. 25, № 4. P. 524–558.

Demenchonok E. Learning from Kant: On Freedom // *Revista Portuguesa de Filosofia*. 2019. Vol. 75. P. 191–230. https://doi.org/10.17990/RPF/2019_75_1_0191.

Forst R. A Kantian Republican Conception of Justice as Nondomination // *Republican Democracy: Liberty, Law and Politics* / ed. by A. Niederberger, Ph. Schink. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. P. 154–168.

Gregory M. Does the Kantian state Dominate? Freedom and Majoritarian Rule // *Ratio*. 2023. Vol. 36, № 2. P. 124–136. <https://doi.org/10.1111/rati.12366>.

Honohan I. Civic Republicanism. L. ; N.Y. : Routledge, 2003.

Kleingeld P. Me, My Will and I. Kant's Republican Conception of Freedom of the Will and Freedom of the Agent // *Studi Kantiani*. 2020. Vol. 33. P. 103–123. <https://doi.org/10.19272/202002901008>.

Lovett F., Pettit Ph. Neorepublicanism: A Normative and Institutional Research Program // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 11–29. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.040907.120952>.

Maliks R. Kant's Politics in Context. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Nelson E. The Greek Tradition in Republican Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Pettit Ph. Two Republican Traditions // *Republican Democracy: Liberty, Law and Politics* / ed. by A. Niederberger, Ph. Schink. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. P. 169–204.

Ripstein A. Force and Freedom: Kant's Legal and Political Philosophy. Cambridge : Harvard University Press, 2009.

Savidan P. Le républicanisme de Kant // *Kant et les kantismes dans la philosophie contemporaine: 1804–2004* / sous la dir. de C. Berner, F. Capeillères. Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2007. P. 43–65.

Unberath H. Freedom in the Kantian State // *Jahrbuch für Recht und Ethik* / *Annual Review of Law and Ethics*. 2008. Vol. 16. P. 321–367.

Kleingeld, P., 2020. Me, My Will and I. Kant's Republican Conception of Freedom of the Will and Freedom of the Agent. *Studi Kantiani*, 33, pp. 103-123. <https://doi.org/10.19272/202002901008>.

Lovett, F. and Pettit, P., 2009. Neorepublicanism: A Normative and Institutional Research Program. *Annual Review of Political Science*, 12, pp. 11-29. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.040907.120952>.

Machiavelli, N., 1996. *Discourses on Livy*. Translated by H. C. Mansfield and N. Tarcov. Chicago: Chicago University Press.

Maliks, R., 2014. *Kant's Politics in Context*. Oxford: Oxford University Press.

Nelson, E., 2004. *The Greek Tradition in Republican Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pettit, P., 1997. *Republicanism. A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Clarendon Press.

Pettit, P., 2013. Two Republican Traditions. In: A. Niederberger and P. Schink, eds. 2013. *Republican Democracy: Liberty, Law and Politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 169-204.

Pocock, J. G. A. 2016. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Polybius, 2010. *The Histories*. Translated by R. Waterfield. Oxford: Oxford University Press.

Ripstein, A., 2009. *Force and Freedom: Kant's Legal and Political Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press.

Savidan, P., 2007. Le républicanisme de Kant. In: C. Berner and F. Capeillères, 2007. *Kant et les kantismes dans la philosophie contemporaine: 1804–2004*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, pp. 43-65.

Skinner, Q., 1984. The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives. In: R. Rorty, J. B. Schneewind and Q. Skinner, eds. 1984. *Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 193-221.

Skinner, Q., 1998. *Liberty before Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stepanov, M. A., 2025. Republicanism: The Practice of Conceptualization. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 9(3), pp. 252-276. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-3-252-276>. (In Rus.)

Viroli M. Republicanism. N.Y. : Hill and Wang, 2002.

Westphal K. R. Republicanism, Despotism, and Obedience to the State: The Inadequacy of Kant's Division of Powers // *Jahrbuch für Recht und Ethik / Annual Review of Law and Ethics*. 1993. Vol. 1. P. 263–281.

Об авторе

Михаил Антонович **Степанов**, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: mishadze@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0096>

Для цитирования:

Степанов М.А. «Последний» из республиканцев: политическая философия Канта в свете республиканизма // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 2. С. 68–92.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-2-4>

© Степанов М. А., 2026.

Unberath, H., 2008. Freedom in the Kantian State. *Jahrbuch für Recht und Ethik / Annual Review of Law and Ethics*, 16, pp. 321-367.

Viroli, M., 2002. *Republicanism*. New York: Hill and Wang.

Westphal, K. R., 1993. Republicanism, Despotism, and Obedience to the State: The Inadequacy of Kant's Division of Powers. *Jahrbuch für Recht und Ethik / Annual Review of Law and Ethics*, 1, pp. 263-281.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Mikhail A. **Stepanov**, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: mishadze@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0096>

To cite this article:

Stepanov, M. A., 2026. The “Last” Republican: Kant's Political Philosophy in the Light of Republicanism. *Kantian Journal*, 45(2), pp. 68-92.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-2-4>

© Stepanov M. A., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))